

МЕТОД
ЖЕНЩИНЫ
ДЕТЕКТИВНИ
КАЛИНЫ
РОМАНОВОЙ

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность	Единственная моя
Встретимся в другой жизни	С первого взгляда
Я – его алиби	Второй подарок судьбы
Девушка с секретом	Зеленые глаза викинга
Блудница поневоле	Тайна, приносящая смерть
Неплохо для покойника	Цвет мести – алый
Стервами не рождаются!	Не доставайся никому!
Дожить до утра	Чужая жена – потемки!
Крестный папа	Возвращаться – плохая примета
Ничто не вечно под луной	Врачебная тайна
Миллион причин умереть	Призрак другой женщины
Рыжая-бесстыжая	Тайну хранит звезда
Охотники до чужих денег	Семь лепестков зла
Мужей много не бывает	Свидание на небесах
Ты у него одна	Ведьма отмщения
Любитель сладких девочек	Программа защиты любовниц
Игры в личную жизнь	Кинжал в постели
Черт из тихого омута	Гнев влюбленной женщины
Обмани меня красиво	Лучший день в году
Старая тайна, новый негодяй	Нирвана для чудовища
Миллионерша поневоле	Незнакомка с тысячью лиц
Внимание: неверный муж!	Последнее прибежище негодяя
В любви брода нет	Счастье с третьей попытки
Последняя ночь с принцем	Подвенечный саван
Осколки ледяной души	Заклятие счастья
Счастье по собственному желанию	Торговка счастьем
Любвеобильный джекпот	Амур с оптической винтовкой
Длинная тень греха	Месть Спящей красавицы
Личное дело соблазнительницы	Демон ревности
Большие проблемы	Преступно счастливая
маленькой блондинки	Изменница поневоле
Красотка печального образа	Закон сильной женщины
Ночь с роскошной изменницей	Без вины преступница
Окно в Париж для двоих	Пленная птица счастья
Лицензия на harry end	Ничего личного, кроме боли
Черная корона	Заговор обреченных
Рыцарь чужой мечты	Узнай меня
Демон искушения	Заповедник потерянных душ
Грешница в шампанском	Ангел мщения
Принцип Отелло	Первый шаг к пропасти
Исполнительница темных желаний	Вкус запретного плода
Жизнь нежна	Исповедь обманутой жены
Мода на чужих мужей	Свидетельницы зла
Пока смерть не разлучит нас	Королева отшельников
Завтра не наступит никогда	Игры небожителей
Пять минут между	Грех с ароматом полыни
жизнью и смертью	Кукла-любовь
Любовь окрыляет	Позови ее по имени

ГАЛИНА РОМАНОВА НЕ ДОСТАВАЙСЯ НИКОМУ!

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Антонова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Clash_Gene / Shutterstock.com;

Иллюстрация в марке серии:

© Maisei Raman / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Романова, Галина Владимировна.

Р69

Не доставайся никому! : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-112354-3

Никогда не открывайте дверь незнакомцам! Алиса пренебрегла этим правилом и поплатилась: на нее напали и серьезно ранили. Но кому она помешала, ведь Алиса не имеет никакого отношения к криминалу? Правда, недавно погибла ее соседка Александра, которая вычислила банду грабителей, живущих в соседнем доме... Полиция почему-то отказывается расследовать гибель Александры, поэтому придется Алисе сделать это самой — только так она сможет избежать дальнейших покушений на свою жизнь. А вскоре у девушки появляется влюбленный в нее помощник...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112354-3

ЧАБА 1

Голове было холодно и жестко, это Алиса чувствовала так же отчетливо, как ощущала свои волосы, рассыпавшиеся на бетонной лестнице. Ее шикарная шевелюра, предмет ее гордости и зависти всех бывших одноклассниц и сокурсниц, спутанными прядями рассыпалась на безобразных грязных ступеньках. Стало противно...

И еще она ощущала, как медленно — капля по капле — из нее уходит жизнь. Никогда не думала, что ощущение это может быть настолько острым и осязаемым. Считала, что человек просто умирает, и все. Либо больно ему, либо нет, но просто умирает, не чувствуя и не понимая, как это происходит. Так бабушка ее умерла, к примеру, тихо, во сне, ничего до конца не осознав.

Почему же с ней все иначе?

Сначала онемели пальцы на ногах. Решила, что замерзла. Зима же, а она на холодном бетонном полу лежит навзничь в халате и тапочках. Потом поняла, что это не тот холод, спасение от которого в теплой одежде, горячем чае и в движении.

Нет, это был холод смерти. Он студил пальцы ног, тихо подбирался к коленкам, Алиса уже и

их перестала чувствовать. Это холод тормозил ее дыхание, сделавшееся медленным и сиплым. Он останавливал ее сердце. Поначалу сердце так колотилось, что в ушах звон стоял. Теперь и его не слышно.

Зато отчетливо слышно, как шумит город за подъездной дверью! Оглушительно и преступно гомонит. В двух шагах от дома автобусная и троллейбусная остановки, там всегда многолюдно. Метров за пять в другую сторону стоянка такси. Там тоже сродняк будь здоров!

До слез было обидно, что там все движется, живет и суетится, а она тут одна и умирает. И никому, никому нет до нее дела. Посторонним хода в их подъезд нет. Два года назад они своими силами и средствами установили домофон. Ни мальчишки хулиганистые, решившие использовать их лифт под туалет, ни бродяжки, заскочившие погреться и покурить, а то и выпить, ни цыганки, навьюченные пуховыми платками и свитерами, — никто не мог случайно забрести сюда и наткнуться на нее, умирающую. Никто не мог ее обнаружить на площадке между третьим и четвертым этажом. Все, кто жил выше первого, ездили лифтом, работал он уже два года исправно. Выйти из него именно на этой площадке было некому. Здесь как раз жила Алиса в сорок восьмой квартире, а в сорок седьмой никто не жил вообще, она стояла уже полгода под замком.

Никто ее не найдет! И теперь она умрет: глупо и бесславно, так и не успев ничего стоящего совершить в своей жизни. Творила ли она добро? Может быть. Никогда особенно не задумывалась, помогая кому-нибудь, доброе то дело, или злое, или просто ничего собой не представляющее. Зла

не желала никому точно. И всячески избегала неприятных историй. И вот...

И вот все равно попала в неприятную, гадкую историю, стоившую ей жизни. Мало того, что попала, кажется, стала главной и единственной ее героиней.

Хотя нет, погодите, погодите! Как это единственной?! А Александра из среднего подъезда? Она ведь тоже не так давно погибла. Может, конечно, это вовсе другая история. И совсем никак с ее не переплетающаяся.

Хотя верилось в это очень слабо. Почему?

Ведь Александра тоже погибла! Пусть под колесами автомобиля! Пусть все считают, что это был случайный наезд какого-то пьяницы или наркомана, нагло севшего за руль! Она-то, Алиса, точно знает, что никакой случайностью гибель Александры из среднего подъезда не являлась. Это было самое настоящее убийство. Да, убийство, и нечего хмыкать! Что-то ходила Ершина много лет по одной и той же проторенной дорожке между их домом и магазинной стеной и жива была и здорова. А тут вдруг как стала кое-чем интересоваться и совать нос не туда куда следует, так сразу под колеса и попала.

— Совпадение! — отмахнулся от Алисы участковый, когда она попыталась навести его на след злоумышленников. — Никто не станет из-за глупых бабских сплетен убивать!

Но ведь убили же! Убили!!! Сначала Александру, когда та начала проявлять интерес к одному весьма загадочному обстоятельству. Теперь вот и ее грохнули, когда она, Алиса, не согласилась с результатами следствия по делу Александры и подала жалобу в прокуратуру.

— А вы ей кто? — поинтересовался сотрудник этой самой прокуратуры, принимая от нее заявление. — Родственница?

— Нет, у Александры Ершиной никого не осталось. Она жила одна.

— А кто же вы?

— Просто... Просто соседка. Человек, с которым она была чрезвычайно откровенна накануне гибели.

— А почему она именно с вами разоткровенничалась? Вы дружили?

— Не то чтобы.

— Почему тогда?

Она сейчас, балансируя на грани жизни и смерти, и сама понять не могла — почему. Что за блажь такая взбрела Шуре в голову, что она, поймав ее на улице за рукав пальто, начала шептать сбивчиво и страшно:

— Я знаю, Алиса! Я точно знаю, что права! Поверь мне!!!

Верилось с трудом, если честно.

— Если вдруг со мной что-то случится в скором времени, то из-за этого! Никто, никто мне не верит, даже ты! Но если со мной что-то произойдет, то все поверят!

Поверила, как ни странно, одна Алиса. Ни участковый, ни следователь, ни работники прокуратуры, никто не желал быть замешанным в этом, как они полагали, глупом деле. Никто не хотел выставить себя на посмешище.

— Может, она сама прыгнула под машину, понимаете? — горячился прокурорский, настоятельно рекомендовавший ей забрать у них заявление. — Сначала нагнала на всех страху, а по-

том, когда не получилось никого убедить, взяла и свела счеты с жизнью таким вот образом.

— Но зачем?! — непонимающе моргала Алиса. — Зачем ей это?!

— От одиночества. Она была по-своему несчастным человеком. Одиноким!

Алиса тоже была одиноким человеком, но прыгать под машину с целью погибнуть под ее колесами совершенно не собиралась. И еще с десятков одиноких знакомых у нее был с такими же жизнеутверждающими, как у нее, принципами. Многие находили в одиночестве массу преимуществ. Она, к слову, тоже.

Не хватало ей только бабушки! Старенькой, ворчливой, любящей ее всем сердцем. Ее Алисе очень не хватало. А в остальном...

Она прекрасно обходилась без сестер и братьев. Их у нее никогда не было, и знать, как ей жилось бы с ними, она не могла, потому и не тосковала по ним.

Отца она тоже не знала никогда. Мать так и не удосужилась объяснить, что это был за аист. Сама навещала их с бабушкой крайне редко, и то пока жила одиноко и беспутно. Алиса не помнила ее визитов, была тогда слишком маленькой. Потом мать обзавелась семьей где-то в Челябинске и забыла об их существовании вовсе. Алиса слышала краем уха разговор бабушки с соседками, что у матери будто родилась двойня, что жизнь у нее идет обеспеченным и налаженным курсом, но настырно не интересовалась и не переспрашивала. Ей вполне хватало бабули.

Потом бабушки не стало, и в жизни Алисы образовалась гигантских размеров брешь. Залатать ее кое-как Алисе стоило двух лет жизни.

Попривыкла, смирилась, но нет-нет да и кольнет в сердце...

Алиса попыталась шевельнуться, и тут же все тело свело мучительно болезненной судорогой. Особенно сильно болело чуть ниже левой лопатки. Туда ее ткнули острым предметом — может, ножом, может, шилом, — когда она вышла за порог квартиры, откликнувшись на звонок в дверь.

Она попалась? Попалась.

— Дурочка ты моя, дуреха, — качнула бы головой бабуля, предугадай она злой умысел во вполне безобидном, на Алисин взгляд, звонке. — Чего ты поплелась к двери-то? Кто мог позвонить? На двери-то домофон! Зачем кто-то знакомый да добрый стал бы звонить? Он бы от подъезда тебе звякнул.

Да! А кстати! Позвонили в дверь, не в домофон, стало быть, тот, кто звонил, либо хитростью пробрался в подъезд, либо жил в нем. Так ведь получается?

Получается так, только вот не могла Алиса представить себе ни одного своего соседа подстерегающим ее у квартиры с острым ножом в руке. Все добропорядочные, безобидные, солидные люди. А тут действовал убийца. Вон как мастерски ткнул ее под левую лопатку. Наверняка в сердце метил, да промахнулся.

Алиса в деталях вспомнила, как слышала чужое дыхание. Она точно его слышала, у нее от этого аж мурашки под халатом побежали. И все равно вышла на лестничную клетку. Зачем, спрашивается?! Затем, чтобы злоумышленнику создать идеальные условия для покушения на саму себя? Получается, так...

— Господи, как же больно, — прошептала она и снова попыталась шевельнуться.

Боль, как по приговору, тут же вернулась, заставив ее замереть. Алиса зажмурилась, полежала немного, привыкая к страшной судороге, и снова пошевелилась.

Нет, невозможно ни тронуться с места, ни перевернуться, ни кричать, она уже пробовала — не вышло ничего, кроме сипа. Ноги одеревенели, сердца не слышно. В висках только постукивает. Методично так, шелестяще.

Тук-шик-тук-шик-тук-шик... Потом тихо и снова-здорово: тук-шик, тук-шик...

Глухой стук становился все болезненнее и громче, и она вдруг поняла, что это конец. Еще минута-другая — и мозг ее взорвется. Алиса выгнула спину в промокшем насквозь от крови халате, застонала и раскрыла глаза.

Прямо рядом с ее щекой стояли мужские грубые ботинки черного цвета. Стояли, не двигаясь. Она снова застонала, ботинки шевельнулись, носы их разошлись в разные стороны. Алиса подняла глаза вверх, увидев теперь вполне отчетливо обтрепанную кромку сатиновых брючин. Дальше взгляд не полз, веки не хотели подниматься, будто придерживал их кто медными пятками, какие на глаза покойникам раньше клали, бабушка рассказывала.

— Господи... — шепнула Алиса, прежде чем отключиться. — Помоги мне...

ШАБА 2

Такой суеты вокруг себя она не помнила с тех самых времен, как стала осознавать себя. Ее здоровьем интересовались все подряд: от главного

врача горбольницы, куда ее доставила карета «Скорой помощи», до уборщицы с ее фирмы. О старшем руководящем звене и коллегах и говорить нечего, те по очереди навещали ее каждый день, присылали горы цветов, коробки конфет, пичкали ее фруктами, таскали в отдельную палату, которую ей выделили, запрещенную копченую колбаску, рыбку и тортики.

— Алиска, ну и перепугала же ты нас! — часто звучало в первые дни после операции, стоило лишь ей очнуться.

— Давай, давай, молодцом, поправляйся... — подбадривали ее через неделю.

— Ну, ты совсем уже молоток! Скоро снова прыгать начнешь! — восклицая уже ближе к выписке.

Она давила из себя улыбки, хотя тело болело нещадно, и причем все — от пяток до макушки. Кратенько отвечала, что ничего не помнит, и вздыхала с облегчением, стоило посетителям закрыть за собой дверь.

А потом пришел он — тот самый участковый, который не поверил в ее историю про Александру. Пришел сердитый, неулыбчивый и неучтивый.

— Здравствуйте, Алиса. — Он сел на красивый стул возле ее кровати, застеленной очень нарядным постельным бельем в белых лилиях. — Как вы себя чувствуете?

— Привет, Саня, — удивленно воскликнула она. — Чего это ты так официально со мной?

— Я на работе, — отрезал участковый, с которым она все детство лазила по деревьям, ловила бабочек, хоронила мертвых птичек и никогда не называла его Александром, только Санькой, Сашкой, Шуриком. — У меня к вам, Алиса, вопросы.

— Валяй, — позволила она с улыбкой, все еще не доверяя его деловитости.

Вот сейчас он рассмеется, зашвырнет свою рабочую папку на подоконник, взъерошит светлые волосы и...

Никакого «и» не случилось. Саня задавал ей официальные вопросы сухим казенным голосом, заносил ее — не слова, нет — показания в протокол. Потом попросил Алису подписать все разборчиво и тут же засобирался уходить.

— Ты чего это, Саш? — окликнула она его у двери. — С ума, что ли, сошел, да?

— Это не я, Алиса, это вы с ума сошли, — ответил он, стоя к ней спиной.

— То есть?..

— Со следователем говорить отказываетесь, чините препятствия дознанию.

— Да не чиню я ничего! Я просто не помню! — возразила Алиса с жаром и тут же почувствовала, как заныла перебинтованная рана под левой лопаткой. — Чего ты, а?

— Вообще ничего не помните?

Его голова чуть склонилась набок, Алиса увидела круглую щеку, кончик носа и бровь.

— Что-то помню, что-то нет, — ответила она уклончиво.

— А что помните? — Шурик обернулся и гневно взглянул на нее.

Так смотрел он в детстве, если она, не дождавшись, удирала без него на стадион или на речку. Требовал объяснений, дожидался их, внимательно выслушивал, потом принимал решение. Раньше все его решения были в пользу их дружбы. А что теперь?

— Саш, если будешь говорить со мной в таком

тоне, то... То идите к черту, уважаемый! — выпалила она и всхлипнула. — Я едва не погибла, а ты!.. Если бы... Если бы не тот человек... Кстати, его наградили?

Участковый Александр Васильевич Назаров развернулся, качнувшись на каблуках, поднял вверх свою рабочую папку, будто собирался с ней на Алису нападать. Потом махнул ею в воздухе и швырнул на подоконник.

— Алиска, ты такая... Такая дурочка! — выпалил он, возвращаясь снова на стул возле ее нарядной кочечки. Глянул на нее знакомыми несчастными глазницами, вздохнул. — Меня из-за тебя чуть с работы не погнали! А Светка вообще...

— Чего это? — Алиса виновато улыбнулась. — Подумала, что ты меня ножом пырнул на почве ревности?

Пошутила неудачно. Его лицо тут же судорожно сморщилось. Пальцы сжались в кулаки. И задышал Назаров часто-часто.

— Прости, Саш, — Алиса выпростала из-под одеяла руку, дотронулась до его коленки. — Ну, прости меня! Чего Светка? Снова, да?

— Она... Светка ушла от меня, Алиска, — выдохнул он то ли с облегчением, то ли с болью, она точно не поняла.

— Чего вдруг? Чего сейчас-то именно?

Жена от Саши уходила каждый вторник. То есть собирала вещи обычно по вторникам. Ближе к пятнице чемоданы разбирала, выкладывала трусы с майками и колготками на полки шкафа. На выходные, когда Сашка бывал дома, при ней, она затихала. А с понедельника снова-здорово.

Причину для скандалов Светлана находила легко, будто песню складывала. Начинался пер-

вый куплет обычно с нехватки денег, припевом шла Сашкина, так и не утихшая с годами любовь к школьной подружке — то есть к ней, к Алиске. Вторым куплетом была его вечная занятость и отсутствие дома, снова припев. В третьем куплете, завершающем, Светлана всегда угрожала уйти от Саши к матери. Ну а если не выдыхалась, то снова повторяла припев.

Поначалу Сашка жутко психовал, валялся в ногах у жены, пытался что-то исправить, где-то подработать, даже занимал деньги. Потом понял, что причина кроется в самой Светлане, и смирился. Как-то уверовал в то, что она никогда от него не уйдет, и успокоился.

А оно вон как вышло!

— Когда я узнал о том, что с тобой случилось... — начал Саша нехотя рассказывать, но руки Алиски с коленки своей не стряхнул, хотя настойчиво не смотрел в ее сторону, сердился он так, значит. — Со мной такое началось, Алиска... Я орал не помню что! Носился по двору, по дому, звонил во все квартиры, чуть до обыска повального дело не дошло. Спасибо, опера наши меня уgomонили.

— Как это?

Алиса чуть не расплакалась от жалости к другу детства. Представила, как он бегаёт расхристанный по их двору, хватается всех за руки, за одежду, ломится в чужие квартиры, орет, обвиняет, ищет правды, и чуть не расплакалась. Она, наверное, тоже так бы с ума сходила, если бы Саша попал в беду.

— Как они тебя уgomонили?

— В лобешник треснули, я и осел, — Сашка вздохнул, поймал ее ладошку, сжал крепко. —